

Ужастики

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
СЕРИИ

Р. Л. СТАЙН

Смертельный урок
музыки

Роберт Лоуренс Стайн

Смертельный урок музыки

Серия «Ужасики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63078466

Р. Л. Стайн. Смертельный урок музыки: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121040-3

Аннотация

УЧИСЬ ИГРАТЬ... ПОКА НЕ УПАДЕШЬ ЗАМЕРТВО!

Джерри нашел на чердаке старое пианино. Оказалось, что оно вполне исправное. И даже очень хорошее. Родители предложили Джерри научиться на нем играть. И Джерри решил, что это будет классно. Вот только учитель музыки, доктор Визк, был каким-то странным. Действительно, очень странным. Иногда Джерри просто не понимал, что тот пытается ему втолковать. А потом Джерри кое-что рассказали. Про музыкальную школу доктора Визка. Про учеников, которые приходили в школу... и не возвращались назад.

Содержание

1	5
2	17
3	21
4	25
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Р. Стайн

Смертельный урок музыки

R. L. Stine

Piano Lessons Can Be Murder

© 1993 by Scholastic Inc. All rights reserved

© Татьяна Покидаева, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

На самом деле я не хотел переезжать. Я думал, что сразу возненавижу наш новый дом. Но все получилось очень даже весело.

Я замечательно прикололся над родичами.

Может, это была не совсем удачная шутка, но мне понравилось.

Впрочем, все по порядку.

Мама с папой застряли в холле с грузчиками. Распоряжались, куда нести мебель и все коробки. И пока они там возились, я отправился на разведку. И нашел очень даже симпатичную комнату рядом со столовой.

Это был здоровенный зал в два окна. Окна выходили на задний двор. Солнечный свет озарял зал, и поэтому здесь было гораздо светлее и веселее, чем в других комнатах старого дома. Там, надо сказать, было слегка мрачновато.

Я сразу подумал, что здесь надо будет устроить семейную комнату отдыха. Ну, знаете, с телевизором, стереопроектором и, может быть, даже со столом для пинг-понга и прочими интересными штуками. Я уже представлял себе, как все это будет. Но пока в комнате было пусто.

Только в углу одиноко катались два серых шарика пыли.

Они-то и подали мне идею.

Посмеиваясь про себя, я присел на корточки и слепил шарики пыли в два тугих комочка. Потом я вскочил и принялся орать дурным голосом:

– Мыши! Мыши! Спасите! Там мыши!

Родичи ворвались в комнату с таким видом, будто меня тут резали. У них челюсти поотвисали, когда они заметили в углу двух серых мышек из пыли. Я продолжал вопить:

– Мыши! Мыши!

Я изо всех сил старался изобразить панический страх. Якобы жутко боюсь мышей.

Мама остановилась в дверях. Она так и стояла с открытым

ртом. Я даже испугался, как бы у нее зубы не выпали!

Вообще-то мама у нас – само спокойствие. А вот папа вечно паникует и напрягается. Он схватил прислоненную к стене швабру и принялся бешено колотить ею по бедным, ни в чем не повинным пылевым мышкам.

Я больше уже не мог сдерживаться.

Я ржал, как взбесившийся бегемот.

Папа ошалело уставился на шарик пыли, прилипший к швабре. И тут наконец до него дошло, что это был просто прикол. Он аж побагровел. А я испугался, что у него глаза выскочат из-под очков.

– Очень смешно, Джером, – спокойно проговорила мама, страдальчески закатив глаза. (Вообще-то все меня называют Джерри. Но когда мама сердится, она называет меня Джеромом). – Мы с папой ценим твою заботу о нас. Конечно, с твоей стороны очень мило напугать нас до полусмерти, когда мы оба устали и все на нервах из-за этого переезда. Мы очень рады, что ты развлекаешься, пока мы стараемся тут все устроить.

Мама всегда так язвит. Наверняка свое чувство юмора я унаследовал от нее.

Папа задумчиво почесал лысину на затылке.

– Они были в точности как мыши, – пробормотал он.

Я понял, что он не сердится. Он уже привык к моим шуточкам. Они оба привыкли.

Мама покачала головой:

– Ты ведешь себя как ребенок!

– А я и есть ребенок, – гордо заявил я. – Ведь мне двенадцать. По-моему, самый что ни на есть подходящий возраст для того, чтобы куролесить, прикалываться над родичами и выдумывать всякие штуки.

– Не умничай, – насупился папа. – И вообще... Знаешь, Джерри, тут работы непочатый край. Мы с мамой уже умотались. Мог бы помочь, между прочим.

Он попытался всучить мне швабру. Но я отскочил, выставив руки перед собой, как будто защищался от страшной опасности.

– Папа, ну ты же знаешь! У меня аллергия!

– Аллергия на пыль? – язвительно уточнил он.

– Нет. На работу!

Я думал, что родичи рассмеются, но они вместо этого пулей вылетели из комнаты, чертыхаясь себе под нос.

– Хотя бы за Плюшкой присмотри! – крикнула мне мама из коридора. – Чтобы она не вертелась у грузчиков под ногами.

– Ага, присмотрю! – крикнул я в ответ.

Плюшка – это наша кошка. Вот уж точно приплюснутое животное. Абсолютно рехнувшийся зверь. За ней присматривать – себе дороже. Все равно, если ей что-то втемяшится в голову, ее ничто не остановит.

Я хочу сразу сказать, что у нас с Плюшкой не самые теплые отношения. На самом деле я стараюсь держаться подаль-

ше от этой придурочной кошки.

Вообще-то считается, что кошки – это милые домашние звери. Вот только Плюшка об этом не знает. Ей никто этого не объяснил. Наоборот. Она ощущает себя маленьким, но кровожадным тигром. Или летучей мышью-вампиром.

Ее любимое развлечение – забраться повыше, к примеру на спинку кресла или на книжную полку, и сигануть оттуда тебе на плечо. Обязательно выпустив когти. Без когтей – это уже не развлечение. Я давно перестал считать, сколько футболок она мне изодрала. Между прочим, хороших футболок. И сколько крови я потерял.

Это не кошка, а просто стихийное бедствие.

Она вся-вся черная. Только на лбу одно белое пятнышко и второе – вокруг правого глаза. Родичи обожают ее до беспамятства. Вечно сюсюкаются: «Хорошая киса, славная киса...» Постоянно берут ее на руки, чешут за ушком и говорят, какая она вся из себя замечательная. Обычно Плюшка кусает их и царапается до крови. Но они почему-то ничему не учатся на своих ошибках.

Когда мы переезжали сюда, я очень надеялся, что Плюшка потеряется где-нибудь по дороге. Не тут-то было. Мама лично проследила за тем, чтобы Плюшка села в машину первой. На заднем сиденье, рядом со мной.

И конечно же, эту притыренную кошатину стошнило.

Вы когда-нибудь встречали кошку, которую укачивает в машине?! Она сделала это нарочно. Просто из вредности.

В общем, как вы понимаете, мамину просьбу насчет при-смотреть за Плюшкой я с чистой совестью пропустил мимо ушей. Вместо этого я пошел на кухню и открыл заднюю дверь в надежде, что Плюшка убежит на улицу и все-таки потеряется.

Потом я снова пошел на разведку.

Наш прежний дом был совсем-совсем маленьким. Зато новым. А этот дом был ужасно старым. Древним, можно сказать. Здесь все скрипело и трещало. Половицы, оконные рамы, двери... Как будто это сам дом вздыхал и кряхтел от старости.

Но в то же время он был огромным. Я обнаружил множество разных комнат, кладовых и чуланов. Один чулан на втором этаже был размером с мою старую комнату.

Моя новая комната располагалась в самом дальнем конце коридора на втором этаже. Здесь было еще три комнаты и ванная. Интересно, а что мама с папой собирались делать с тремя остальными комнатами?

Я хотел предложить, чтобы одну из них оборудовали под домашний зал видеоигр. Здесь можно будет поставить большой телевизор и подключить к нему игровую приставку. Я обожаю видеоигры. Могу часами играть. И как было бы круто иметь собственный игровой зал! Надо будет уговорить родичей. Обязательно.

Настроение у меня понемногу улучшалось. Не то чтобы оно было совсем уж плохим... Но мне все-таки было как-

то грустно. Переезжать всегда грустно. И особенно в другой город, где ты никого не знаешь.

Я, вообще-то, не из плаксивых. Но, честно сказать, когда узнал, что мы навсегда уезжаем из Седервилля, то едва не разревелся. Мне действительно было грустно, когда я прощался с друзьями.

И особенно с Шоном. Шон – классный парень. Родичам он не очень нравится. Потому что он шумный и громко рыгает за столом. Но все равно Шон – мой лучший друг.

То есть он был моим лучшим другом.

Здесь, в Нью-Гошене, у меня пока не было никаких друзей.

Мама сказала, что Шон может приехать к нам летом и погостить пару недель. С ее стороны это был настоящий подвиг. Особенно если учесть, как ее бесит, когда Шон рыгает за столом.

Но настроение у меня все равно было кислым.

Однако сейчас я немного приободрился. Мне ужасно понравился новый дом. Я решил, что в соседней комнате можно будет устроить спортивный зал. Я буду не я, если не уговорю папу с мамой купить несколько тренажеров – из тех, что всегда рекламируют по телевизору.

Я не мог пойти к себе в комнату, потому что там были грузчики. Они как раз заносили мебель. Поэтому направился в самый дальний конец коридора. Там была еще одна дверь. Наверное, в очередную кладовку. Однако за дверью я

обнаружил узкую деревянную лестницу. Возможно, на чердак.

Подумать только, чердак!

Раньше у нас никогда не было чердака. Видимо, там полно всяких старых вещей... А среди старого хлама иногда попадаются очень классные штуки. А вдруг те люди, которые жили тут прежде, оставили на чердаке свою коллекцию старых комиксов?!

Я устремился наверх, подпрыгивая от восторга.

Когда я был уже на середине лестницы, снизу раздался папин голос:

– Джерри, куда ты идешь?

– Наверх, – отозвался я.

Хотя и так было ясно, куда я иду.

– Не стоит тебе подниматься туда одному, – сказал папа.

– Почему? Там что, привидения водятся?

Я был уже наверху. Папа поднялся следом. Деревянные ступеньки натужно скрипели под его ногами.

– Ну и жара здесь! – Папа поправил очки на носу. – Духота.

Он потянул за цепочку, свисающую с потолка. Зажегся свет.

Лампочка явно была не из самых мощных, но все равно стало хоть что-то видно.

Я огляделся. Это была здоровенная мансарда с низким скошенным потолком. Я вообще-то не очень высокий, но,

встав на цыпочки, даже я сумел дотянуться до потолка.

Здесь были и окна – по одному крошечному круглому окошку на передней и задней стене. Но они были такие пыльные, что совершенно не пропускали света.

– Здесь пусто, – пробормотал я, ужасно разочарованный.

А вот папа, наоборот, воодушевился:

– Вот сюда-то и отнесем весь ненужный хлам, который жалко выбрасывать.

– Эй, посмотри... что это там?

У дальней стены я разглядел что-то большое и темное. Я пошел туда. Старые половицы отчаянно скрипели.

Что там такое? Действительно, что-то большое, накрытое серым мятым покрывалом. Может, что-нибудь наподобие сундука с сокровищами?

Воображение у меня богатое. Сам иногда удивляюсь.

Я попытался стянуть покрывало. Тяжелое, черт... Пришлось взяться за него обеими руками.

Я даже зажмурился в предвкушении того, что я сейчас увижу.

Но чего я действительно не ожидал найти, так это черное сияющее пианино.

А это было именно пианино.

– Ничего себе! – Папа даже присвистнул от удивления.

Он подошел ко мне и встал рядом, почесывая лысину на затылке. Это у него такая привычка. Когда папа чем-нибудь недоволен или удивлен, он всегда чешет лысину.

– Ничего себе! Почему, интересно, его здесь оставили?

Я пожал плечами.

– С виду оно совсем новое. – Я на пробу постучал по клавишам указательным пальцем. – И звучит хорошо.

Папа тоже потюкал по клавишам.

– Вполне нормальное пианино, – заметил он. – Очень хорошее пианино. Даже странно. Зачем его затащили сюда на чердак?..

– Здесь какая-то страшная тайна, – объявил я замогильным голосом.

Тогда я еще не знал, что это действительно страшная тайна.

В ту ночь я не мог заснуть. Не то чтобы мне не хотелось спать – просто что-то все время мешало.

Я лежал на своей старой кровати из бывшего дома. Но кровать стояла головой не в том направлении. И не у той стены. И свет от фонаря на заднем крыльце у соседей падал прямо в окно. Окно дребезжало на ветру. А по потолку пробегали тени. Туда-сюда. Туда-сюда.

Я долго ворочался и наконец понял, что никогда не смогу заснуть в этой новой комнате.

Здесь было все по-другому.

Она была слишком большой.

И даже немножечко жутковатой...

Очевидно, спать я не буду уже никогда в своей жизни.

Я лежал, глядя на тени, пляшущие на потолке.

И наконец расслабился и даже, кажется, задремал... Но тут я услышал музыку.

Кто-то играл на пианино.

Сначала я решил, что музыка доносится с улицы. Но потом до меня дошло, что звук идет сверху. С чердака!

Я сел на постели и прислушался. Да, кто-то там наверху играл на пианино. Какую-то классическую музыку.

Я отшвырнул одеяло и опустил ноги на пол.

Интересно, кому взбрело в голову подняться на чердак и играть на пианино посреди ночи?! Это точно не папа. Папа и ноты-то правильно не сыграет. А мама умеет играть только «Собачий вальс», да и то с пятого на десятое.

Может быть, это Плюшка?

Я встал с кровати и замер, прислушиваясь. Кто-то там наверху продолжал играть. Очень тихо. Но я все равно различал мелодию. Каждую ноту.

Я направился к двери и в темноте налетел на коробку с вещами, которую еще не успели распаковать. И больно ударился большим пальцем.

– У-я!

Я схватился руками за ушибленную ногу и держал ее так, пока боль не прошла.

Я знал, что родичи меня не услышат. Их спальня была на первом этаже.

Я снова прислушался, затаив дыхание. Музыка наверху

продолжала звучать.

Я вышел из комнаты в коридор. Теперь я старался идти осторожно, чтобы во что-нибудь не врезаться опять. Под ногами тихонько поскрипывали половицы. Пол был холодным как лед. А я был босиком. Но я не стал возвращаться за тапками.

Я осторожно приоткрыл дверь на чердак и заглянул в темноту.

Музыка доносилась сверху.

Такая печальная музыка. Очень тихая. Очень грустная.

— Кто... кто там? — выдавил я.

2

Музыка продолжала играть. Казалось, она плывет сквозь кромешную тьму вниз по лестнице – плывет прямо ко мне.

– Кто там? – повторил я уже смелее, хотя у меня все равно дрожал голос.

Но мне снова никто не ответил.

Я встал на нижнюю ступеньку лестницы и задрал голову, вглядываясь в темноту.

– Мама, это ты? Папа?

В ответ ни слова...

Только музыка плыла в темноте, тихая и печальная.

Я и сам толком не понял, как так получилось, что я стал подниматься по лестнице. Я понял это, лишь услышав гулкий скрип ступеней у себя под ногами.

Наконец я поднялся наверх.

Здесь было жарко и очень душно.

Теперь музыка окружала меня со всех сторон. Казалось, что она доносится отовсюду.

– Кто здесь?

Я очень старался, чтобы мой голос звучал спокойно, но у меня не очень-то получилось. Я и сам не узнал свой голос – таким он был жалким и тоненьким. Наверное, мне было немножечко страшно. Самую малость.

– Кто здесь?

Что-то холодное прикоснулось к моему лицу.

Я аж подскочил на месте.

И только потом до меня дошло, что это цепочка выключателя.

Я потянул за цепочку. Зажегся свет – совсем тусклый.

Но все-таки лучше, чем ничего.

Музыка оборвалась.

– Кто здесь?

Я прищурился, чтобы лучше разглядеть пианино у дальней стены.

Никого.

Вообще никого. За пианино никто не сидел. Я сделал шаг вперед.

Тишина.

Только противный скрип половиц у меня под ногами.

Я подошел к пианино и встал, не сводя глаз с клавиш.

Сам не знаю, чего я высматривал и чего ожидал увидеть. Я хочу сказать... ведь кто-то же играл на пианино. И прекратил играть в тот момент, когда я включил свет. Так куда же он делся? В воздухе растворился?

Я нагнулся и заглянул под пианино.

Понимаю, это глупо. Под пианино и Плюшка бы не пролезла. Но тогда я вообще ничего уже не соображал. Сердце у меня билось так, что казалось, сейчас разорвется. А в голову лезли всякие сумасшедшие мысли. Одна другой нелепее.

Я склонился над клавишами и очень внимательно их

осмотрел. А что, если это такое старинное механическое пианино... ну знаете... которое играет само по себе. Пианола, кажется, называется. В мультфильмах такие бывают. И в старых фильмах.

Но ничего особенного я не заметил. Пианино как пианино. Самое что ни на есть обычное.

Я присел на табурет.

И тут же вскочил как ужаленный.

Табурет был теплым! Как будто на нем только что сидели!
– Что? Как?

Я в изумлении уставился на табурет.

Потом потрогал его рукой.

Да. Точно, теплый.

Но тут я сообразил, что на чердаке вообще очень жарко. Гораздо теплее, чем в доме. Нас в школе учили, что теплый воздух поднимается вверх. Наверное, он поднимается сюда, на чердак, и здесь скапливается.

Я снова присел на табурет и стал дожидаться, пока у меня не успокоится пульс.

«Что здесь происходит?» – думал я, не отрывая взгляда от пианино. Его черная отполированная поверхность была такой гладкой, что я видел свое отражение. Даже при тусклом свете единственной лампочки.

И мое отражение выглядело встревоженно и испуганно.

Я опустил глаза и несколько раз тюкнул пальцем по клавишам.

Еще пару минут назад кто-то играл на пианино.

Кто-то прикасался пальцами к тем же клавишам.

И куда же он делся потом? Ведь когда я включил свет, здесь уже не было никого...

Я снова ударил по клавише. Потом еще по одной. И еще... В пустом помещении каждая нота отдавалась долгим звенящим эхом.

И тут раздался громкий треск. Снизу. Откуда-то с лестницы.

Я оторвал руки от клавиш и замер.

Снова послышался треск.

Шаги.

Я встал с табурета. Ноги дрожали.

Я так напряженно прислушивался, что, казалось, улавливал движение воздуха.

Шаги приближались.

Кто-то поднимался по лестнице. Сюда, на чердак.

Ко мне.

Ступени трещали.

Кто-то ко мне поднимался.

Кто-то большой.

У меня перехватило дыхание. Мне казалось, что я сейчас задохнусь.

Я замер на месте, лихорадочно соображая, куда бы спрятаться. Но укрыться тут было негде.

Ступени трещали все громче.

Над ступенями уже показалась чья-то темная голова. Я мало что соображал от ужаса. Но мне все же хватило ума дождаться, пока темная фигура не выступит на свет.

– Папа! – радостно завопил я.

– Джерри, что ты тут делаешь?

Вид у отца был прикольный. Его редеющие темные волосы стояли дыбом. Пижамные штаны задрались до колен. Он был без очков и смотрел на меня, прищурившись и смешно сморщив нос.

– Папа... а я думал... я думал... – промямлил я.

Да. Я знаю, что выглядел со стороны как полнейший придурок. Но и вы меня тоже поймите. Я был напуган до полусмерти.

– Знаешь, сколько сейчас времени? – Папа сердито дернул рукой – хотел посмотреть на часы. Но часы он забыл в

спальне. – Уже первый час ночи, Джерри!

– Да, папа. Я знаю.

Я потихонечку отходил. Теперь я уже и сам не понимал, чего так сильно перепугался.

Я подошел к папе.

– Я услышал, что кто-то играет на пианино. И я подумал...

– Что ты сказал? – Папа вытаращился на меня, как на умалишенного.

– Я услышал, как кто-то играет на пианино, – повторил я терпеливо. – Здесь, на чердаке. Поэтому я поднялся сюда и...

– Джерри! – Папа страдальчески закатил глаза. Его лицо побагровело и стало похоже на свеклу. – Опять твои шуточки! Я все понимаю, но не в первом же часу ночи!

– Но, папа... – начал было я, но он не дал мне договорить:

– Мы с мамой едва доползли до кровати. Мы столько всего переделали за сегодняшний день! Мебель двигали, разбирали вещи. Весь день провозились. – Он устало вздохнул. – Наверное, можно было сообразить, что нам сейчас не до веселья. Тебе, конечно, не приходило в голову, что мне завтра с утра на работу. И что мне хотелось бы выспаться.

– Прости, пожалуйста, папа, – пробормотал я.

Я уже понял, что доказывать ему что-либо бесполезно. Он все равно мне не поверит.

– Я знаю, что ты возбужден переездом. – Папа положил руку мне на плечо и повел меня к лестнице. – Но давай мы сейчас пойдем спать. Тебе, кстати, тоже надо отдохнуть.

Я оглянулся на пианино. Оно тускло поблескивало в рассеянном свете лампы. Как будто дышало.

Как будто было живым.

Мне представилось, как оно подбирается ко мне. Как несется за мной по ступенькам...

Я тряхнул головой. Бред какой-то. Совсем крыша съехала.

Наверное, я действительно слишком перевозбудился за сегодняшний день.

– А ты не хотел бы научиться на нем играть? – вдруг спросил папа.

– Что? – Я даже растерялся. Его вопрос застал меня врасплох.

– Хочешь, найдем тебе учителя? Будешь с ним заниматься, научишься играть на пианино. Пианино поставим в гостиной. Там места много.

– Ну... может быть, – протянул я. – Да. Наверное, это будет прикольно.

Папа убрал руку с моего плеча. Одернул задравшиеся пижамные штаны. И пошел вниз по лестнице.

– Я поговорю с мамой. Уверен, ей будет приятно. Ей всегда очень хотелось, чтобы у нас в семье кто-то играл на каком-нибудь инструменте. Не забудь выключить свет, ага?

Я послушно дернул за цепочку, выключив свет... и невольно вздрогнул. Вообще-то я не боюсь темноты. Но когда свет погас, меня окружила полная чернота. Я поспешил следом за папой.

Когда я снова лег в постель, то натянул одеяло до самого подбородка. В комнате было прохладно. За окном завывал зимний ветер. Окно тряслось и дрожало под ветром, как будто в ознобе.

Я думал о том, что действительно было бы круто научиться играть на пианино. Только не эту нудную и заунывную классику, а настоящую рок-музыку.

Может быть, через три-четыре урока я упрошу родичей купить мне синтезатор. И две-три разные клавиатуры, которые подключаются к компьютеру.

Тогда я смогу сам сочинять и записывать разные композиции.

Может, найду ребят и сколочу с ними рок-группу.

Вот это будет действительно круто.

Я закрыл глаза.

Окно снова задребезжало. Где-то раздался протяжный скрип, как будто стонал сам дом.

«Ну, ничего, – сказал я себе. – Со временем я привыкну к этому старому дому. Ко всем этим странным звукам. Еще две-три ночи, и я вообще перестану их слышать».

Я уже засыпал, когда снова услышал музыку.

Все ту же тихую и печальную.

Кто-то вновь играл на пианино.

На следующий день, в понедельник, я проснулся ни свет ни заря. Мои настенные часы в виде пузатого кота с маятником-хвостом и вращающимися глазами были еще не распакованы. Но, судя по бледному, серому свету в окне, было действительно очень рано.

Я быстро оделся. Взял чистые джинсы и темно-зеленый пуловер, который был не особенно мятым. Сегодня мой первый день в новой школе. Я даже немножечко волновался.

И с волосами я провозился дольше, чем обычно. Волосы у меня темные. Очень густые и очень кудрявые. А я ненавижу кудрявые волосы. Я люблю, когда они гладко прилизаны. Вот поэтому мне и приходится каждый день их мочить водой и распрямлять.

Наконец я управился с волосами и вышел в коридор.

В доме было темно и тихо.

Я направился было к главной лестнице, но тут заметил, что дверь на чердак распахнута настежь.

Разве я вчера ее не затворил, когда мы с папой спустились вниз?

Ну нет. Я же помню, как ее закрывал. И вот теперь она снова открыта.

По спине пробежал холодок.

Я подошел, захлопнул дверь и даже специально послушал,

чтобы она щелкнула.

«Не сходи с ума, Джерри, – сказал я себе. – Может, замок слабый. Возможно, эта дверь постоянно распахивается сама собой. Дом-то совсем старый».

Ночная музыка никак не шла у меня из головы. Но, наверное, и этому было какое-то объяснение. Может быть, струны у пианино дрожали от ветра или что-нибудь в этом роде...

Вероятно, там в окне есть какая-то дырка. И туда задувает ветер, от которого и возникают звуки, похожие на музыку. И поэтому кажется, что на пианино кто-то играет.

Мне очень хотелось поверить в то, что печальная, тихая музыка, которую я слышал ночью, это просто какое-то непонятное явление. Скорее всего, из-за ветра. Я просто принял это на веру.

Я еще раз подергал дверь, чтобы убедиться, что она закрыта плотно, и пошел вниз на кухню.

Мама с папой еще возились у себя в спальне. Я слышал, как они одеваются.

В кухне было темно и прохладно. Я хотел включить обогреватель, но не нашел термостат.

Вчера родичи не успели все распаковать. Коробки с посудой и прочей кухонной утварью так и стояли в углу.

В коридоре слышались шаги.

У холодильника стояла большая пустая коробка. Она-то и подала мне идею. Посмеиваясь про себя, я забрался в коробку и прикрыл ее.

Я ждал, затаив дыхание.

Шаги приближались к кухне. Я так и не смог разобрать, кто это: папа или мама?

Я боялся дышать. Я знал, что если я сделаю вдох, то просто не выдержу и рассмеюсь.

Кто-то вошел в кухню. Прошел мимо моей коробки. Остановился у раковины. Я услышал шум воды. Вошедший наполнял чайник.

Потом он подошел к плите.

Я не мог больше ждать.

– Сюрприз! – заорал я и выскочил из коробки.

Папа испуганно вскрикнул и уронил чайник. Чайник упал ему на ногу, отскочил и покатился по полу.

Вода, естественно, разлилась. Папа приплясывал прямо посреди лужи и выл дурным голосом, держась обеими руками за ушибленную ногу.

Я хохотал, как ненормальный. Надо было видеть папину физиономию, когда я выскочил из коробки! Такого я даже в мультиках не видел.

Мама влетела в кухню, застегивая на ходу пуговицы на рукавах.

– Что здесь такое?! – завопила она с порога.

– Джерри снова решил пошутить, – прорычал папа.

– Джером, – укоризненно проговорила мама, глядя на лужу на линолеуме. – Может быть, сделаешь перерыв на пару дней? Мы как раз отдохнем от твоих приколов.

– Просто хотел помочь вам проснуться, – расплылся я в улыбке.

Мама с папой еще побурчали немного. Но это так, для порядка. Они давно уже привыкли к моему извращенному чувству юмора.

В ту ночь я снова услышал музыку.

Это точно был не ветер. Я узнал ту же самую мелодию.

И она доносилась сверху.

С чердака, где было пианино.

И на нем явно кто-то играл. Кто бы это мог быть?

Я собрался было встать и пойти посмотреть. Но в комнате было холодно. И потом, я действительно очень устал. Ведь это был мой первый день в новой школе.

Поэтому я натянул одеяло на голову, чтобы не слышать музыки. И уснул как убитый.

– Ты ничего не слышала ночью? – спросил я у мамы за завтраком. – Кто-то играл на пианино.

– Ешь свои кукурузные хлопья, – сказала мама.

Я недовольно помешал ложкой в миске:

– А почему кукурузные хлопья?

– Ты знаешь правила, – нахмурилась мама. – Сладкие хлопья только по воскресеньям.

– Глупое правило, – буркнул я. – Кукурузные хлопья – это те же самые сладкие хлопья. Только невкусные.

– Прекрати ныть. – Мама сморщилась и потерла руками виски. – У меня голова болит. Все утро.

– Может быть, это из-за того, что всю ночь кто-то играл на пианино? – спросил я.

– Какое еще пианино? – раздраженно проговорила мама. – Чего ты все про пианино талдычишь? Кто там на нем играл?

– А ты разве не слышала? Пианино на чердаке. Ночью кто-то на нем играл.

Мама резко встала из-за стола:

– Джерри, я тебя очень прошу: прекрати надо мной издеваться. У меня голова болит.

– О чем разговор? – Папа вошел в кухню, держа под мышкой утреннюю газету. – О пианино, я слышу? Я уже договорился. Сегодня после обеда придут рабочие и перенесут его в гостиную. – Улыбнулся мне: – Будешь разминать пальцы, Джерри.

Мама подошла к стойке и налила себе чашку кофе.

– Ты действительно хочешь учиться играть на пианино? – Она скептически прищурилась. – Будешь сидеть, заниматься часами и все такое?

– Ну да, – отозвался я. – Может быть.

* * *

Когда я вернулся домой из школы, рабочие уже были у нас. Я думал, придут этикие здоровенные дяди. Но они ока-

зались не такими уж крупными. Зато сильными.

Я поднялся на чердак, чтобы посмотреть, как они будут тащить пианино. Мама осталась в гостиной. Она передвигала коробки, чтобы освободить место.

Грузчики притащили с собой веревки и какую-то специальную штуку типа тележки, только без стенок. Сначала они наклонили пианино набок, а потом водрузили его на тележку.

Тащить тележку по узкой лестнице было непросто. Хотя они старательно придерживали пианино, оно все равно несколько раз стукнулось о стену.

В общем, когда рабочие наконец затащили пианино в гостиную, оба были красные, точно вареные раки. Пот лил с них градом. Я все время был рядом с ними. Мне было интересно.

Мама уже убрала коробки и пошла на кухню. Но когда грузчики начали устанавливать пианино на место, она тоже пришла посмотреть.

Она встала в дверях, держа руки в задних карманах джинсов.

Рабочие сняли пианино с тележки. В ярком солнечном свете его черные отполированные стенки блестели, как зеркало.

Они начали опускать его на пол...

И тут мама как заорет!

– Кошка! Кошка! – мама кричала так, что у меня заложило уши.

Вы уже поняли. Плюшка стояла как раз на том месте, куда рабочие собирались поставить пианино.

Пианино тяжело грохнуло об пол. В последний момент Плюшка успела из-под него выскочить.

«Жалко, – подумал я. – А то получилась бы настоящая плюшка. Должна же быть справедливость на свете».

Работяги засмутились ужасно. Они принялись извиняться. При этом они вытирали лоб и пытались отдышаться. Но мама их даже не слышала.

Она бросилась к Плюшке и подхватила ее на руки.

– Бедная ты моя киса!..

«Бедная киса» впилась когтями маме в рукав и выдрала несколько ниток из свитера. Мама уронила ее на пол. Скотина же эта возмущенно мяукнула и пулей вылетела из комнаты.

– Она еще не освоилась в новом доме, – сказала мама рабочим.

– Да нет, – вставил я. – Она всегда такая придурочная.

Рабочие ушли. Мама пошла к себе в комнату, чтобы закрепить нитки на изодранном свитере. Я остался в гостиной один. Вместе со своим пианино.

Я присел на табурет и принялся вертеться на нем туда-сюда.

Табурет был отполированным и гладким. И ужасно скользким.

Я уже представлял себе, как когда-нибудь повеселю родичей, когда они попросят меня сыграть что-нибудь для них. Я сяду за пианино, якобы мне самому не терпится им похвастать своими достижениями. И начну играть. Вот только этот идиотский табурет... он такой скользкий. Я постоянно с него сползаю. И падаю на пол.

Я немножечко потренировался в сползаниях и падениях. Мне было весело.

Падать откуда-нибудь – это, можно сказать, мое хобби. И это не так легко, как кажется.

Падать тоже надо уметь.

А мастерство достигается путем долгих тренировок.

Наконец мне надоело плюхаться на пол. Теперь я просто сидел на табурете и смотрел на клавиши. Потом я попытался подобрать одну простенькую песенку. Я тыкал в клавиши наугад, пока не находил нужной ноты.

Я думал о том, что это будет действительно классно – научиться играть.

Я считал, что это будет ужасно прикольно. Но я ошибался. Сильно ошибался.

Прошла неделя. После обеда в субботу я направился в го-

стиную и встал у окна. День выдался серым и пасмурным. Я был уверен, что ближе к вечеру пойдет снег.

Я увидел, как к нашему дому подходит мой учитель музыки. Он пришел точно в назначенное время. Ровно в два.

Я прижался лбом к стеклу, чтобы получше его рассмотреть. Он был таким здоровенным, упитанным дяденькой. Даже толстым, я бы сказал... В длинном красном пальто. Со взлохмаченными белыми волосами. Издалека он был немного похож на Санта-Клауса.

Он шел как-то странно. На прямых ногах. Как будто у него болели коленки. «Должно быть, артрит или что-нибудь в этом роде», – подумал я.

Папа нашел его по объявлению в местной газете. Он мне его показал и зачитал вслух. Такое крошечное объявление на самой последней странице:

Музыкальная школа Визка.

Новые методы обучения игры на форте пьяно.

Папа туда позвонил в тот же день. Все равно это было единственное объявление по поводу музыкальных уроков.

И вот сейчас родичи встречали учителя в коридоре и помогали ему снять тяжелое красное пальто. Потом они все троим вошли в гостиную.

– Вот, Джерри, знакомься. Это доктор Визк, твой учитель музыки. – Папа сделал мне знак, чтобы я отошел от окна.

Доктор Визк улыбнулся мне:

– Здравствуй, Джерри.

Он действительно был похож на Санта-Клауса. Только без бороды. Но зато с роскошными седыми усами. У него были круглые, очень румяные щеки и хорошая, сердечная улыбка. Когда он улыбался, его голубые глаза как будто искрились.

Одет он был в мешковатые серые брюки и свободную белую рубашку, натянутую на его здоровенном пузе, как на барабане.

Я подошел к нему и пожал протянутую мне руку.

Рука была красной и какой-то уж слишком мягкой. Как будто не рука, а какая-то губка.

– Рад познакомиться с вами, доктор Визк, – вежливо сказал я.

Мама с папой переглянулись с довольными улыбками. Они всегда обалдевают, когда я веду себя вежливо. Я понимаю, им сложно в это поверить. Но, когда я хочу, могу быть очень вежливым мальчиком.

Доктор Визк потрепал меня по плечу:

– Я знаю, фамилия у меня смешная. «Визк» и «визг» произносятся одинаково. – Он хохотнул. – Может, мне стоило бы сменить фамилию. Но, с другой стороны, согласись, она сразу же запоминается. С первого раза.

Мы все рассмеялись.

А потом доктор Визк вдруг посерьезнел:

– Ты раньше играл на каком-нибудь инструменте, Джер-

ри?

Я задумался.

– У меня было когда-то казу. Знаете, дудка такая.

Все опять рассмеялись.

– Пианино – это немножко не то, что казу, – заявил доктор Визк, все еще посмеиваясь. – Давай-ка посмотрим на твой инструмент.

Родичи извинились, в том смысле, что у них куча дел, и ушли наверх распаковывать вещи, до которых раньше не доходили руки.

Доктор Визк внимательно изучил клавиши. Потом приподнял заднюю панель и взглянул на струны.

– Замечательный инструмент, – похвалил он. – Очень хороший.

– Мы нашли его здесь, – сказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.